
**И ПЯТЬДЕСЯТ, И ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ...
ДВОЙНОЙ ЮБИЛЕЙ
«ФРАНЦУЗСКОГО ЕЖЕГОДНИКА»**

А.В. Чудинов

Время, в которое мы живем, известный французский историк Пьер Нора как-то назвал «эрой коммемораций», поскольку «каждый год и каждый месяц требуют своей порции обязательных или сфабрикованных годовщин»¹. Редакционный совет «Французского ежегодника» (далее ФЕ) не остался в стороне от этого коммеморативного поветрия и отмечает в 2009 г. сразу две настоящие, ничуть не «сфабрикованные» круглые даты: 50 лет со дня выхода из печати первого выпуска нашего издания (в 1959 г. увидел свет «ФЕ 1958») и 10 лет с момента его возобновления или, используя метафору профессора В.П. Смирнова², начала «второй жизни».

Полвека для истории срок относительно небольшой. Да и для одного человека он не выглядит чем-то из ряда вон выходящим: мой научный руководитель профессор Г.С. Кучеренко, например, утверждал, что историк как профессионал собственно только и формируется к пятидесяти годам. Однако эпоха появления на свет первого ФЕ в чем-то кажется сегодня уже «доисторической».

Прежде всего, «доисторической» для современной научно-издательской среды. В последние годы отечественные историки не только не испытывали недостатка в профессиональной периодике, но, напротив, вынуждены были тратить немало усилий, пытаясь отследить в почти безбрежном потоке публикуемых на ее страницах материалов что-либо для себя интересное. Один только Институт всеобщей исто-

¹ Нора П. Эра коммемораций // Франция-память. СПб., 1999. С. 96.

² См.: Смирнов В.П. Две жизни одного издания // НиНИ. 2002. № 3.

рии Российской Академии наук (ИВИ) до недавнего времени издавал, помимо собственно ФЕ, еще более двух десятков различных журналов, ежегодников и альманахов. Но когда ФЕ впервые увидел свет, из нынешних изданий ИВИ существовало лишь четыре – ежегодники «Средние века» (основан в 1942 г.) и «Византийский временник» (1947), журналы «Вестник древней истории» (1937) и «Новая и новейшая история» (1957) и не было еще ни одного, которое специализировалось бы на истории какой-либо из современных стран.

Впрочем, не было тогда в помине еще и самого ИВИ – он возник лишь в 1968 г. Первые тома ФЕ публиковались под грифом единого в то время Института истории АН СССР. Иными словами, хотя наше издание сейчас выпускается ИВИ, появилось оно в эпоху «доисторическую» и для этого научного учреждения.

Имена людей, стоявших у истоков ФЕ, сегодня уже легенда исторической науки. Трудно поверить, но его первый главный редактор, академик Вячеслав Петрович Волгин (1879–1962), родился в царствование Александра II – ровно 130 лет тому назад. Еще живы были некоторые современники Наполеона! Сегодня имя академика Волгина чаще ассоциируется с названием одной из улиц Москвы, но всего полвека назад его носил живой человек, подписавший в печать первый выпуск нашего Ежегодника!

Вековые юбилеи других отцов-основателей ФЕ – Альберта Захаровича Манфреда (1906–1976) и Виктора Моисеевича Далина (1902–1985) – тоже уже история. Я особо выделяю эти два имени, ибо «золотой век» в «первой жизни» Ежегодника связан был, прежде всего, с ними. Собственно уже с начального выпуска ФЕ эти мэтры отечественной историографии стали его душой. По свидетельству Светланы Валерьяновны Оболенской, более двадцати лет участвовавшей в работе над ФЕ, сначала в качестве бригадира, а затем – ответственного секретаря, «В.П. Волгин был уже стар и болен, и, хотя он живо и горячо интересовался делами нового издания, фактическими руководителями с самого начала стали А. З. Манфред и В. М. Далин»³.

После смерти В.П. Волгина в 1962 г., А.З. Манфред возглавил ФЕ уже официально и руководил им до конца своей жизни – полтора десятка лет, больше, чем любой другой из главных редакторов Ежегодника.

3 Оболенская С.В. Первая попытка истории «Французского ежегодника» // ФЕ 2002: Историки Франции. К 100-летию В.М. Далина (1902-1985). М., 2002. С. 57.

С.В. Оболенская вспоминает:

«...Альберт Захарович Манфред был и по званию и по самому существу дела истинным главным редактором, и все дело держалось на нем. Его широкие научные связи – у нас в стране и за рубежом, его научный и моральный авторитет, наконец, его дипломатические способности позволяли разрешать самые трудные вопросы, которые не раз возникали в отношениях с авторами, с дирекцией Института и с издательством. Он определял общее направление, поддерживал статус “Ежегодника” как солидного академического издания, конечно, читал все поступавшие в редакцию статьи и в случае разногласий мягко, без нажима выносил решение, которое чаще всего никем не оспаривалось. Это не исключало, конечно, споров, колебаний, коллегиальность соблюдалась неукоснительно.

Но каждодневными практическими делами – первоначальным отбором материалов, работой с авторами, редактированием, корректурой – всем этим и при жизни Манфреда руководил Виктор Моисеевич Далин, разумеется, при полном согласии с А.З. и без малейших отступлений от его линии»⁴.

Со смертью А.З. Манфреда в 1976 г. В.М. Далин оказался единственным руководителем ФЕ, формально продолжая занимать пост заместителя главного редактора. До выпуска «ФЕ 1980» главного редактора вообще не было. Но и после того, как им назначили видного партийного и государственного деятеля советского времени Вадима Валентиновича Загладина (1927–2006), ставшего третьим и последним главным редактором «старого» ФЕ, В.М. Далин по-прежнему занимался всей текущей работой по формированию и подготовке в печать новых выпусков до самой своей кончины в 1985 г.

Разумеется, существовала и редколлегия, члены которой тоже вносили вклад в подготовку Ежегодника – обо всём этом подробно рассказывается в уже процитированном исследовании С.В. Оболенской. Тем не менее, всё же именно отцы-основатели ФЕ определили профиль издания и его задачи, среди которых выделю две главные:

а) Развивать связи между отечественными и за-рубежными специалистами по истории Франции.

“У нас, – вспоминает С.В. Оболенская, – были опубликованы работы Ж. Лефевра, Э. Лабрусса, П. Ренувена, А. Собоуля, М. Домманже,

⁴ Там же. С. 70-71.

Ж. Брюа, Ж. Бувье, К. Виллара, Ж. Годшо, В. Маркова, В. Крауса, М. Косока, наконец, Ф. Броделя и Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби, М. Вовеля и многих других. На страницах «Ежегодника» выступили шестьдесят восемь иностранных авторов, среди них пятьдесят пять из Франции, один из США, один из Италии, трое из Польши, трое из Венгрии, четверо из ГДР и один из Болгарии»⁵.

б) Координировать работу отечественных историков-франковедов.

“...С самого начала «Французский ежегодник» ставил своей задачей стать «координационным центром» исследований по истории Франции, осуществлявшихся в нашей стране. Важной и привлекательной чертой этой работы было участие в ней множества провинциальных ученых. Помимо московских и ленинградских историков, на страницах «Ежегодника» выступили сорок два автора из столиц союзных республик и провинциальных городов. «География» удивительно обширна и разнообразна: Киев, Минск, Тбилиси, Ереван, Алма-Ата, Ташкент, Горький, Днепропетровск, Донецк, Иваново, Ивано-Франковск, Иркутск, Казань, Кировоград, Курск, Магнитогорск, Нижний Тагил, Одесса, Омск, Пермь, Свердловск, Симферополь, Степанакерт, Сухуми, Тарту, Ульяновск, Уфа, Челябинск, Чернигов, Черновцы, Чита, Ярославль...»⁶.

После смерти отцов-основателей угасла и «первая жизнь» ФЕ: “С кончиной Манфреда, а затем и Далина «Французский ежегодник», это наше общее дело, наша общая любовь, умер, из него ушла душа. Тридцать томов «старого» «Французского ежегодника» – памятник этим двум замечательным людям”, пишет С.В. Оболенская⁷.

Впрочем, строго говоря, «смерть» издания произошла не скоропостижно: после ухода из жизни В.М. Далина появились еще четыре тома ФЕ. Но происходило это уже как бы по инерции. Хотя объем выпусков от года к году «таял», даже для него становилось все труднее набирать материал, из-за чего в Ежегоднике был опубликован тогда ряд не слишком выразительных текстов, которые ранее едва ли имели шанс туда попасть. Престижность издания снижалась.

Вспоминаю характерный случай. ...Идет к концу франко-советский коллоквиум 1987 года. Порядком устав за три дня заседаний, участни-

5 Там же. С. 58.

6 Там же. С. 63.

7 Там же. С. 78

ки, однако, терпеливо дожидаются, когда последний оратор – молодая исследовательница – закончит усыпляюще монотонное чтение своего доклада, содержание которого, признаться, тоже не слишком захватывает. Наконец, терпение З.В.Удальцовой, тогдашнего директора ИВИ, иссякает. Прервав выступающую на полуслове, она безапелляционным тоном произносит: “Спасибо, мы всё поняли. Отдайте текст во «Французский ежегодник», они опубликуют его целиком”. Мнения редколлегии никто не спрашивает. О критериях качества и речи нет, напротив – на тебе, боже, что нам не гоже!

В 1990 г. увидел свет «ФЕ 1988» (к тому времени издание выходило уже с двухгодичным запозданием), после стало известно, что этот выпуск – последний, так как ИВИ из-за недостатка финансирования вынужден отказаться от публикации страноведческой периодики. Впрочем, сие печальное известие фурора не вызвало: ФЕ и без того угасал. «Из него ушла душа...» Здесь можно было бы сказать, что тогда-то «старый» ФЕ «и почил тихо в бозе», однако мне больше по сердцу другая метафора...

Занимаясь историей масонов XVIII в., я обратил внимание на то, что они никогда не закрывали свои ложи. Если одна из них почему-либо прекращала деятельность, члены Ордена говорили, что она «погрузилась в сон». Считалось, что однажды созданная ложа не может кануть в небытие и рано или поздно, пусть даже век спустя, обязательно «проснется», вернувшись к жизни.

Использую тот же образ и я: после 1990 г. ФЕ погрузился в сон...

* * *

Сон этот был тревожным. Что имеем, не храним – потерявши, плачем. Об утрате пожалели быстро, но поздно. ФЕ исчез как раз тогда, когда некогда сплоченная профессиональная корпорация советских франковедов стала рассыпаться прямо на глазах. Мало того, что после развала СССР от нее разом отпали историки бывших союзных республик, «феодалная раздробленность» поразила и российскую историографию. С появлением множества диссертационных советов на местах, оказалось возможно получить ученую степень, не покидая своего города и публикуясь исключительно в изданиях собственного вуза. К тому

же, в безденежные 90-е организовать поездку на конференцию стало намного сложнее, чем раньше, не говоря уже о проведении самой конференции, из-за чего количество научных мероприятий резко сократилось. В результате, при общем росте числа остепененных специалистов плотность научной среды существенно снизилась. При отсутствии прежних «площадок» для обсуждения результатов исследований, теперь могло принять участие несравнимо меньшее число специалистов, чем ранее⁸. Вот тут-то всё чаще и стали с сожалением вспоминать об «уснувшем» ФЕ.

Однако жалели о нем, прежде всего, исследователи. Организационные же решения – удел менеджеров науки, а им в своих действиях приходится руководствоваться не только (и порою не столько) соображениями научной целесообразности, но и ориентироваться на общественно-политическую конъюнктуру. Руководители академических учреждений, как когда-то капитаны парусных судов, должны держать «нос по ветру», чтобы этот «ветер» конъюнктуры, не только не потопил их корабли, но, напротив, наполнял паруса, двигая вперед.

В середине 90-х общественно-политическая конъюнктура не благоприятствовала развитию сугубо страноведческих исследований. Тогдашнее руководство Российской Федерации, сочтя статус мировой державы для нее неподъемным, находилось в поиске новой идентичности страны. Соответственно, появился спрос на исследования о месте России в мире на разных этапах ее существования. Многим специалистам по истории зарубежных стран пришлось переключиться на разработку проблематики отношений этих государств с Россией. Один за другим в ИВИ стали возникать новые периодические издания под схожими заголовками «Россия и ...» (далее следовало название той или иной страны). В 1996 г. появился альманах, ставший позднее ежегодником, «Россия и Франция XVIII–XX вв.» (далее – РиФ). На протяжении последующих двенадцати лет вышло в свет восемь его выпусков (девятый сейчас на подходе). Все они были собраны и подготовлены к печати силами практически одного-единственного человека – бессменного главного редактора РиФ Петра Петровича Черкасова. Блестящий пример научного подвижничества!

8 Подробнее об этом см.: *Чудинов А.В.* Прошлое и настоящее отечественного франковедения: трудный путь «Французского ежегодника» // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв.* № 5. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 3. Екатеринбург, 2008.

Появление РиФ отчасти заполнило лакуну, возникшую после исчезновения «старого» ФЕ, где сюжеты русско-французских отношений занимали немало места. Но именно – только *отчасти*, поскольку исследования по собственно французской истории в РиФ, естественно, не публиковались.

Первыми с инициативой преодоления ситуации «разброда и шатания» выступили историки Французской революции XVIII в. – традиционно одна из наиболее сплоченных и организованных частей профессионального цеха франковедов. В 1998 г. силами Галины Сергеевны Чертковой, Дмитрия Юрьевича Бовыкина и автора этих строк был выпущен мемориальный сборник статей к 95-й годовщине В.М. Далина⁹. В ходе работы над этой книгой нами были впервые отработаны те издательские технологии, которые позднее будут использованы и при подготовке первых выпусков «нового» ФЕ. Оглядываясь назад, можно сказать, что в техническом плане «Исторические этюды о Французской революции» стали своего рода «пилотом» восстановленного ФЕ.

А его «пробуждение» к тому времени ощущалось уже как настоятельная необходимость. В тех же «Этюдах» В.П. Смирнов писал: «К сожалению, из-за финансовых трудностей “Французский ежегодник” больше не издается. В 1990 г. вышел его последний выпуск. Не действует сейчас и “Французская группа”. Ни в одном научно-исследовательском или учебном заведении России нет секторов или кафедр по истории Франции. <...> Российские франковеды, в отличие, например, от специалистов по истории США не имеют ни объединяющего центра, ни своего печатного органа. Их численность, по-видимому, сокращается и существует реальная угроза ослабления российских исследований по истории Франции»¹⁰.

Под этими словами, думаю, мог тогда подписаться любой из франковедов, ну разве что без ссылки на американистов: ситуация с «Американским ежегодником», на самом деле, была ничуть не лучше.

К счастью, в конце 90-х, по каким-то глубинным и не совсем понятным мне причинам, «ветер» конъюнктуры переменился на попутный. В 1999 г., пригласив к себе ряд специалистов по истории Франции, директор ИВИ академик Александр Оганович Чубарьян сообщил нам, что

⁹ Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (К 95-летию со дня рождения) / Под ред. А.В. Чудинова. М., 1998.

¹⁰ Смирнов В.П. Виктор Моисеевич Далин // Там же. С. 23.

считает необходимым скорейшее возобновление ФЕ. Воодушевленный недавним опытом выпуска «Этюдов», я поделился им с присутствующими, в результате чего тут же и получил от директора предложение заняться восстановлением ФЕ.

Я согласился при условии, что издание сменит имя. Мотивировка была следующей. При основании ФЕ его назвали по созвучию с «Немецко-французским ежегодником», подготовленным в 1844 г. К. Марксом и А. Руге. ФЕ предстояло стать первым периодическим научным изданием по истории отдельной страны (к тому же, страны капиталистической!), и для получения согласия высоких партийных сфер на такое новшество, «правильный» идеологический подтекст заглавия был отнюдь не лишним. Однако название «ежегодник» обязывает выпускать его *ежегодно*. Альманах может позволить себе любую периодичность, ежегодник – нет. Хотя выдержать подобный темп – по книге в год – само по себе непросто (тех же Маркса и Руге хватило только на один сдвоенный номер), это еще полбеда. Беда в том, что скорость и ритмичность выхода книги в свет зависят не только от редколлегии, но и от издательства. Производственный же цикл издательства «Наука» долгие годы составлял примерно девять месяцев (сравнение его с беременностью было тогда уже всем приевшейся шуткой). Из-за столь невообразимо длинного по нынешним меркам срока уже первый «ФЕ 1958» не «попал» в свой год и вышел только в 1959-м. Но девять месяцев – это если быстро. Если же у издательства возникали проблемы (а они у «Науки» были почти всегда, сколько я ее помню), то цикл еще больше растягивался. У «старого» ФЕ именно из-за подобных задержек накопилось к середине 70-х опоздание уже в два года. И ведь это происходило еще в советскую эпоху плановой экономики. Теперь же на дворе стояло «мутное время» 90-х, когда никаких гарантий на будущее никто не мог дать просто по определению... Браться же за выпуск издания, сам заголовков которого предполагал обман читателей, мне не хотелось.

Доводы показались убедительными, и новое-старое издание решено было назвать международным альманахом «Франция». Тогда же свое согласие войти в его редакционный совет дали такие авторитетные франковеды, как Павел Юрьевич Уваров и Петр Петрович Черкасов, о чем я в дальнейшем ни разу не пожалел и, надеюсь, они тоже.

Самым старшим из членов редакционного совета стал Юрий Львович Бессмертный. Причем, не только самым старшим, но и одним из

наиболее активных. Выдающийся ученый-медиевист с мировым именем и удивительно обаятельный человек, он щедро делился с окружающими творческой энергией и новыми идеями. Это по его предложению второй выпуск мы решили посвятить французским элитам эпохи Средневековья и Раннего нового времени. К сожалению, наша совместная работа была недолгой. Осенью 2000 г. Ю.Л. слег с тяжелой простудой накануне между-народного коллоквиума, который долгое время готовил со своим отделом и который должен был открывать. Считая себя не вправе пропустить столь важное и с таким трудом организованное мероприятие, он, несмотря на высокую температуру, отправился на его открытие. Осложнение оказалось смертельным...

Темой первого выпуска нашей «Франции», естественно, стала Французская революция XVIII в. *Естественно* – по двум причинам. Во-первых, основной работой по формированию тома (при сильной помощи других членов редколлегии) занимались те же, кто готовил и «Этюды» – Г.С. Черткова, Д.Ю. Бовыкин и новоиспеченный главный редактор, для каждого из которых Революция была приоритетной темой собственных исследований. Соответственно, мы не могли отказать себе в удовольствии именно с нее начать наше периодическое издание, благо, что и дата для коммеморации подвернулась вполне подходящая: в 1999 г. исполнялось 200 лет со дня брюмеранского переворота, который большинство историков условно считает конечным рубежом Французской революции. Во-вторых, выпуск издания надо было начать как можно скорее, пока попутный «ветер» не переменился на встречный. Получить же статьи у историков Революции, весьма сплоченного, как уже отмечалось, сообщества, где в большинстве своем все знают всех и многие между собой дружат, мы могли быстрее, чем у кого-либо еще.

Однако как ни спешили, все равно опоздали. Нет, собрать-то выпуск собрали, на Ученом совете ИВИ утвердили и в издательство «Наука» увесистую папку с распечатанными текстами отнесли, но выйти там в свет изданию оказалось не суждено. Беда пришла, откуда не ждали. В Отделении истории РАН неожиданно поднялась волна недовольства тем, что ИВИ публикует больше периодических изданий, чем любой другой исторический институт. Потребовали урезать число ежегодников и альманахов. Нас и урезали. Пришлось опять идти в «Науку», на сей раз для того, чтобы нашу увесистую папку оттуда забрать.

А тут и «ветер», действительно, сменился на неблагоприятный.

Причины этого для меня столь же непонятны, как и те, по которым он ранее вдруг на какое-то время стал попутным. Прежний интерес «в верхах» к возобновлению издания исчез. Остались мы с папкой текстов на руках и невыполненными обя-зательствами перед авторами.

Поскольку штурм высоты не удался, надо было хотя бы достойно отступить – опубликовать имевшиеся статьи, пусть и не в форме периодического издания, а всего лишь сборника. И даже скромная институтская типография нас вполне бы устроила. С этим предложением я и отправился к заместителю директора ИВИ Лорине Петровне Репиной, отвечавшей тогда в институте за издательские вопросы. Она-то и подсказала нам замечательный обходной маневр, позволивший обратиться поражение в победу. Л.П. посоветовала обратиться в издательство УРСС, с которым она в тот момент как раз налаживала выпуск ставшего вскоре широко известным альманаха (ныне – журнала) «Диалог со временем». Без этого доброго совета возрождение ФЕ, очевидно, не состоялось бы.

Доминго Марин Рикой, руководитель УРССа или, я бы даже сказал, его «капитан» – своей решительностью вкупе с испанским акцентом он мне напомнил известный по детским книгам романтический образ карибского флибустьера – поставил вопрос ребром:

- Готов выпускать ФЕ. «Францию» – нет!
- ???
- ФЕ – это брэнд! «Франция» неизвестно что.
- Но ежегодник придется выпускать каждый год...
- Собирайте – выпустим!

Так с легкой руки дона Доминго решился вопрос о «пробуждении» ФЕ. Международный альманах «Франция» ушел в историю, не успев появиться. Остались от него лишь заготовленные впрок фирменные бланки редакции, которые мы теперь используем на черновики.

Так началось сотрудничество ФЕ с издательской группой УРСС в разных ее ипостасях (Едиториал УРСС, КомКнига, ЛКИ, ЛИБРОКОМ). За прошедшие десять лет в наших отношениях разное случалось, бывали и трудности, но они всегда благополучно преодолевались, во многом благодаря дипломатичности и неизменному обаянию главного редактора УРССа Виктории Олеговны Малышенко.

Между тем, заканчивался 2000 г. УРСС поставил нам жесткое условие: промежуток между «ФЕ 2000» и «ФЕ 2001» не должен превы-

шать шести месяцев, чтобы периодический характер издания стал сразу для всех очевиден. К счастью, мы смогли задействовать имевшиеся наработки для выпуска, посвященного элитам. С нами уже не было Ю.Л. Бессмертного, и сбором статей по средневековой тематике занялась его ученица Юлия Петровна Крылова. С тех пор она – постоянный и активно действующий член редакционного совета, а теперь еще и ответственный секретарь ФЕ, «наш человек в мире медиевистики». Она и Дмитрий Юрьевич Бовыкин (ныне – заместитель главного редактора) – два опорных столпа всего издания.

К сожалению, в подготовке второго выпуска не смогла принять активного участия тяжело заболевшая Г.С. Черткова. Она была в нашей команде живым олицетворением преемственности «старого» и «нового» ФЕ. Г.С. помнила еще В.П. Волгина, долго работала с А.З. Манфредом и В.М. Далиным, навсегда сохранив самые теплые воспоминания об отцах-основателях ФЕ и глубочайшее уважение к их памяти. «Ушли из жизни титаны историографии Французской революции, – грустно сказала мне она в одну из последних наших бесед, когда мы обсуждали будущую тему третьего выпуска ФЕ. – Наш долг – сохранить эту историографию, пока придут новые». И мы решили посвятить «ФЕ 2002» 100-летию В.М. Далина, Учителя самой Г.С. и одного из таких титанов. Для того тома она еще успела перевести небольшую статью французского историка Р. Леграна. В 2001 г. Г.С. не стало.

Со второго выпуска у ФЕ появился еще один соиздатель – Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского. Причина тому была сугубо материальная. В результате сотрудничества с УРС-Сом мы получили такое огромное преимущество, как многократное сокращение времени между сдачей текста в издательство и его выходом из печати. У нас за прошедшие годы оно составляло обычно 1-1,5 месяца, а порою и вовсе две недели – скорости просто «космические» и совершенно немыслимые для периодики, выходявшей по-прежнему в «Науке», хотя и там новые технологии позволили сократить производственный цикл с былых девяти месяцев примерно до шести. Однако за скорость приходилось платить дополнительными усилиями: вся работа по подготовке текста ФЕ в печать ложилась на его редакционный совет, в издательство мы несли уже готовый макет. Подготовка макета – дело довольно дорогостоящее. А мы после перемены «ветра» конъюнктуры оказались полностью предоставлены сами себе – абсолютная свобода

за свой счет. Вхождение же СГУ в число соиздателей ФЕ сняло с наших плеч, по крайней мере, часть этих технических проблем. Членами редакционного совета ФЕ стали тогдашний декан исторического факультета СГУ Велихан Салманханович Мирзеханов и профессор того же факультета Андрей Владимирович Гладышев. Забегая вперед, скажу, что наше сотрудничество оказалось плодотворным, но недолгим. После ухода В.С. Мирзеханова с поста декана, институциональные связи между ФЕ и СГУ в 2007 г. прервались.

Другой важной проблемой материального плана, стоявшей перед редакционным советом ФЕ, была организация переводов статей зарубежных, прежде всего французских, ученых. Ее удалось решить в 2002 г. после вхождения в число наших соиздателей еще одной организации – Франко-российского центра общественных и гуманитарных наук, который взял на себя эту заботу. Без дружеской поддержки со стороны каждого из сменившихся за это время директоров Центра – Франсуазы Досэ, Алексиса Береловича, Валери Познер и Жана Радвани – едва ли «новый» ФЕ дожил бы до своего 10-летия. Мы также весьма признательны Марку Эли, нынешнему заместителю директора Центра, за его неизменно активное участие в судьбе Ежегодника.

Так в течение первых двух лет после «пробуждения» ФЕ сформировался его редакционный совет и определились основные технические параметры подготовки издания. Что же касается его содержания, то особенности «нового» ФЕ, думаю, лучше всего оценивать через сравнение со «старым».

На первый взгляд может показаться, что между массивным томом «ФЕ 1958», включавшим в себя статьи по широкому спектру проблем французской истории, и «новыми» выпусками в 16-19 п.л., специализированными по конкретным, достаточно узким темам, нет ничего общего, кроме названия. Однако видимость обманчива. В действительности, даже по внешним параметрам «новый» ФЕ полностью сохранил преемственность с прежним. Хотя тот начинал с огромного, по нынешним меркам, объема в 50 п.л., но к последнему перед «погружением в сон» выпуску имел те же 16 п.л., что и самый тонкий из возобновленных.

Специализация отдельных номеров также началась еще до «перерыва на сон». «ФЕ 1987» был полностью посвящен 200-летию Французской революции XVIII в., «ФЕ 1988» – вековому юбилею Шарля де Голля. Именно такой подход – специализация каждого выпуска на

конкретной теме – был положен и в основу возобновленного издания. (После этой статьи читатель найдет библиографию всех выпусков ФЕ за 2000–2008 гг., что избавляет меня от необходимости перечислять их тематику).

«Новый» ФЕ, как и прежний, все эти годы стремился играть координирующую роль в профессиональном сообществе отечественных франковедов, выступая центром притяжения для специалистов по истории Франции из разных городов нашей страны. В десяти его выпусках опубликованы 37 статей 22 историков из Брянска, Екатеринбурга, Казани, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Самары, Саратова, Тамбова, Тюмени, Ярославля, а также – из заграничных ныне Еревана и Одессы.

Преимущество со «старым» «новый» ФЕ сохранил и в том, что касалось развития научных связей отечественных франковедов с иностранными, прежде всего французскими. Эти усилия находили полное понимание у наших зарубежных коллег, охотно предоставлявших нам для публикации свои новейшие тексты. В десяти выпусках возобновленного ФЕ увидели свет 33 статьи иностранных авторов, в том числе таких видных представителей современной французской исторической науки, как Ж.О. Будон, Ф. Бурден, М. Вовель, Б.Гэно, Ж. Делюмо, Р. Десимон, Ж. Дюби (предоставлено вдовой ученого), Ж. Дюма, П.Генифе, Д. Крузе, Ф. Крузе, К. Мазорик, М. Озуф, А. Руссо, Ж.Ф. Сиринелли и др., а также известных исследователей из Великобритании – А. Форреста, Мексики – К.А. Агирре Рохаса, США – С.А. Ковингтона и Швейцарии – Б. Бачко. В редакционный совет ФЕ входит авторитетный французский историк, ныне генеральный секретарь Общества робенспьеристских исследований (далее – ОРИ), Серж Абердам.

Траектория международного сотрудничества порою оказывалась довольно причудливой... Когда мы готовили первый выпуск нашего издания, посвященный научным итогам 200-летия Французской революции, было решено открыть его двумя историографическими статьями о процессах, происходивших в отечественной и во французской историографии за время празднования юбилея. Но если с обзором французской научной литературы о Революции проблем не возникло – его для нас любезно согласился написать С.Ф. Блуменау, пожалуй, крупнейший в нашей стране специалист по данной тематике, – то найти автора для «русской» статьи оказалось гораздо сложнее. Сначала я обратился с соответствующей просьбой к Александру Владимировичу Гордону,

старейшему на сегодняшний день члену сообщества российских историков Французской революции, и страшно обрадовался, получив положительный ответ. Однако проблемы со здоровьем, увы, помешали А.В. реализовать задуманное. Не удалось мне уговорить взяться за эту работу и Л.А.Пименову (взамен она дала нам для того выпуска интереснейшую статью об освещении французскими исследователями истории Старого порядка кануна Революции). Пришлось писать самому. Так, в силу издательской необходимости и отчасти случайно, появилась статья «Смена веков»¹¹, которую позднее В.П. Смирнов назовет «программной» для возобновленного ФЕ¹².

Текст получил резонанс и привлек внимание французских коллег, сначала русистов, которые издали его по-французски¹³, а потом и специалистов по Революции. Последние, заинтересовавшись теми переменаами, что произошли за последние два десятилетия в нашей историографии, захотели узнать о них больше. В 2002 г. тогдашний генеральный секретарь ОРИ М. Дориньи во время визита в Москву предложил российским коллегам подготовить и выпустить во Франции сборник статей по результатам их новейших исследований. Год спустя эта книга увидела свет¹⁴. Там, наряду с новыми текстами, была, по желанию издателей, перепечатана во второй раз и «Смена веков».

Сборник этот еще больше подогрел интерес французов не только к настоящему, но и к прошлому нашей историографии. В 2006 г. Музеем Французской революции в Визиле была проведена под эгидой ОРИ и ФЕ международная научная конференция «Советская и французская историографии Старого порядка и Революции XVIII века в зеркальном отражении», материалы которой, переведенные на русский язык, были опубликованы в «ФЕ 2007». В настоящее время готовится аналогичное французское издание.

Таким образом, заложенные отцами-основателями ФЕ традиции научного сотрудничества не только получили продолжение в наши дни, но и приняли новые, более разнообразные формы.

11 Чудинов А.В. Смена веков: 200-летие Революции и российская историография // ФЕ 2000.

12 Смирнов В.П. Две жизни одного издания. С. 224.

13 Tchoudinov A. La Révolution française: de l'historiographie soviétique à l'historiographie russe, «changement de jalons» // Cahiers du monde russe. 2002. N 2/3. P. 449-462.

14 Les Historiens russes et la Révolution française après le Communisme / Étude révolutionnaires. N 5. P., 2003.

После констатации стольких линий преемственности «ста-рого» и «нового» Ежегодников вполне может возникнуть вопрос: а было ли различие? Было, и его можно выразить одним словом *плюрализм*. Претензии советской историографии на монопольное обладание истиной остались в прошлом. За минувшие десять лет ФЕ был тем форумом, где свободно встречались историки разных мировоззренческих, идеологических, политических и методологических предпочтений.

Приведу лишь один, но наиболее яркий пример. Те, кто интересуется историей Французской революции – темой, как известно, идеологически и политически весьма острой, хорошо знают об ожесточенных спорах во Франции 60-х – 80-х гг. между приверженцами ее «классической» интерпретации, возглавлявшимися А. Собулем, и сторонниками «ревизионистского» («критического») прочтения, группировавшимися вокруг Ф. Фюре. Хотя ни Собуля, ни Фюре давно уже нет в живых, угли этой дискуссии во Франции все еще горячи. В прежние времена ФЕ в жесткой форме выступал на стороне марксиста Собуля, в своей же «второй жизни» издание открылось для всех точек зрения. На его страницах печатались и ученик Фюре, представитель четвертого поколения школы «Анналов» П. Генифе¹⁵, и ученик Собуля, ныне председатель Общества робеспьеристских исследований Ф. Бурден¹⁶. В 2003 и 2007 гг. мы публиковали под одной обложкой представителей обеих соперничающих направлений – и «классического», и «критического».

Точно также редакция возобновленного ФЕ приветствовала самый широкий плюрализм методологических подходов к изучению всех тех аспектов истории Франции, которые становились темами специализированных выпусков. В некотором смысле кредо издания за прошедшие десять лет можно сформулировать как «новый взгляд на старые сюжеты». Во всяком случае, именно подобным образом авторы Ежегодника попытались подойти к рассмотрению таких, казалось бы, традиционных тем, как история Французской революции (2000)¹⁷, дворян-

15 Генифе П. Французская революция и Террор // ФЕ 2000.; *Он же*. «Рассуждения о Франции» Ж. де Местра и Французская революция // ФЕ 2003.

16 Бурден Ф. Революционная аккультурация: борьба за новую социальность // ФЕ 2001.

17 Блуменану С. Ф. В поисках новых подходов: 200-летие Революции и французская историография; Бовыкин Д. Ю. Термидор: старые проблемы и новые споры.

ства (2001)¹⁸, правой (2003)¹⁹ и левой (2009)²⁰ политических традиций, религиозных конфликтов (2004)²¹, абсолютизма (2005)²² и др. Причем, особо отмечу, что, в отличие от многих современных отечественных изданий, специализирующихся на *обсуждении* новейших методологий, содержание возобновленного ФЕ составляли, в основном, исследования по конкретной проблематике, где такие методологии *применялись*. Впрочем, методологические аспекты изучения определенных тем и, в частности, проблемы понятийного аппарата также находили здесь свое отражение²³.

В целом же, судя по многочисленным откликам коллег как у нас в стране, так и за рубежом, а также по тому, что ряд выпусков «нового» ФЕ уже давно стал библиографической редкостью, можно предположить, что издание нашло своего читателя.

Однако всё когда-то кончается – и хорошее, и плохое. Десять лет нам удавалось, отчаянно маневрируя, идти своим курсом даже без попутного ветра. Теперь впереди тайфун. Вызванные экономическим кризисом волны достигли и академического моря. Одна из них уже накрыла родную для многих периодических изданий гавань издательства «Наука», отправив на дно все страноведческие ежегодники и альманахи ИВИ, включая, похоже, и братский нам РиФ. Как долго мы еще сумеем держаться наплаву, никто сказать не может. На всякий случай приходится прощаться «навек» перед каждым «выходом в море».

Но даже если этот выпуск окажется для «нового» ФЕ последним, не будем терять надежды на то, что когда-нибудь наступят лучшие времена и найдутся люди, способные еще раз «разбудить» наше издание, положив начало его теперь уже «новой» истории.

18 См.: Уваров П.Ю. Социальная история французского дворянства на перекрестке герменевтики и эмпиризма; Десимон Р. Дворянство, «порода» или социальная категория?

19 Сиринелли Ж.Ф. Деление на правых и левых во Франции: величина постоянная или переменная?; Бовыкин Д.Ю. Год 1795: несостоявшаяся реставрация.

20 Канинская Г.Н. Что в имени твоём? О французских левых.

21 Уваров П.Ю. Что стояло за Религиозными войнами XVI в.? От социальной истории религии к «le vécu religieux» и обратно; Деломо Ж. Историк и его религия.

22 Малов В.Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма; Крузе Д. Король и насилие: из истории французского абсолютизма XVI в.

23 См., например: Чудинов А.В. Просвещенная элита (из истории понятия); Дюма Ж. Об изучении элит в современной историографии // ФЕ 2001.